

ИСКУССТВО ЖИТЬ ДОСТОЙНО

В ЦЕНТРЕ пьесы «Фамилия» — некто Айтенов, районный руководитель, глава почтенного рода, славного в прошлом честными тружениками. Сегодня же, виртуозно владея современной политической терминологией, лихо подхватывая все спущенные «сверху» инициативы, окружив себя льстецами и угодниками, он рассматривает район и живущих в нем людей как свою вотчину, призванную обеспечить славою и богатством фамилию Айтеновых.

Это даже не тип раздвоения личности, когда на уме одно, на словах другое. Это тип органического перерождения, когда даже наедине с собой человек принимает ложь за правду и искренне верует в нее. Он все ставит себе в зачет, из всего выжимает пользу — из революционного прошлого отца (в районе создается клуб революционной славы, негласная задача которого возвеличить фамилию Айтеновых), из строк мальчишеского дневника о голодном военном детстве (дается почитать корреспонденту для создания восхваляющего очерка вместо критической

статьи), из аэробики (на бумаге создается мифический спортивно-оздоровительный комплекс, за руководство которым его дочь должна получать вполне реальную зарплату), даже... из семейного подрыда — так он называет теперь свою задачу пристроить детей на руководящие посты в районе.

Трагикомедия кончается полным разоблачением Айтенова, несмотря на всю отлаженную систему охранительных мер, куда включены милиция, газета, райком и покровители из центра. Но радоваться рано. Не обнаружь случайно в цветочных горшках заезжий мошенник «накопленные» Айтеновым золото и драгоценности, вся эта «система мер» могла бы сработать, как, наверное, кое-где еще и срабатывает...

Вот такая пьеса.

Первая в творчестве Тулепбергенов Каипбергенова — народного писателя Каракалпакии, переводчика Михаила Шолохова, создателя замечательной трилогии о своем народе и еще многих прозаических книг.

— Трилогия «Дастан о каракалпаках», за которую вы удостоены Государственной премии СССР, начиналась с таких слов: «У каждого человека три спутника жизни. Первый спутник — это друг, второй спутник — это враг, и третий спутник — это соглядатай. Когда я повзрослел и собрался в дальнюю дорогу, мать долго наставляла меня, а под конец произнесла: «Сынок, к тому, что говорил дедушка, я хочу добавить: у человека есть четвертый спутник жизни. Это Родина мать. Будь предан ей». А отец, проводив меня до окраины аула, положил мне на плечи свои мозолистые, натруженные, теплые руки: «К тому, что сказали тебе дедушка и мать, добавлю: «У человека есть пятый спутник жизни. Это любовь. Будь верен ей, береги ее...».

— Работая над книгой, я старался не забывать, что у каждого моего героя есть эти пять вечных спутников жизни. Пытаясь воссоздать прошлое, я не мазал нарочито свои уста горечью, не вызывал ее в себе специально. Если же она возникла у меня, это была естественная горечь, и потому я не подслащивал ее.

— Вот спутники нашей жизни — враг и соглядатай. Но ведь когда вы пишете правду с привкусом горечи, они, наверное, вам этого не прощают?

— Конечно. Роман «Зеница ока», вышедший недавно в «Советском писателе», был закончен в 1981 году и рассказывает о тех самых негативных явлениях, о которых сегодня говорится в полный голос. Но после первой корректуры книги в местном издательстве набор рассыпался, обвинив меня в очернительстве и других смертных грехах. Обсуждением, а точнее, осуждением романа руководил секретарь обкома, ныне снятый с должности.

«У нас такого нет», — сказали осуждающие, прочитав о приписанных гектарах, о взяточниках-парработниках, о семейственности. Многих из осуждавших книгу потом и осудили за взятки и приписки. Я тогда не ручался за высокий художественный уровень романа, ибо писал его, волнуясь и горячась. И, наверное, публицистичности там было больше, чем психологизма. Но за точность фактов я готов был ответить головой. Скорее, и сожалению, чем к счастью, я оказался прав. И сейчас продолжают судебные процессы над взяточниками и обманщиками государства. Один из моих семерых детей, окончивший в этом году юридический факультет, участвует в следствии по делу о приписках хлопка.

— А что вы делали, чтобы спасти «Зеницу ока»? Жаловались? Протестовали?

— Сел писать новую книгу, которой давно «болел». Я пишу медленно. «Дастан», например, писался пятнадцать лет. И к следующей своей книге, роману-эссе «Каракалпак-Намэ» я тоже шел не один год. Мне хотелось на опыте собственной жизни и работы показать становление писателя, его множественные связи со своим народом, его историей и культурой, поделиться своими наблюдениями о том, как объединить фольклорное и песенное богатство каракалпачков с бесценным опытом великой русской литературы. В романе живут и действуют мои мать, отец, бабушка, дедушка и кошейби — старейшина улицы. Разговор идет о правде и лжи, зле и добре, о биографии нашего народа, о том, из чего состоит наше прошлое и наше сегодня, а в общем-то это книга о народной мудрости и истине, которую хранит он в себе.

— Еще Платон в своих «Диалогах» считал, что истину мы только вспоминаем. В диалоге «Федр» он приводит слова Сократа: «...Ведь когда он пишет, он накапливает запас воспоминаний для себя самого на то время, когда наступит старость — возраст забвения, да и для всякого, кто пойдет по его следам».

— Платон прав. Истину не нужно открывать. Как не нужно открывать нравственность, любовь, дружбу. О них надо почаще вспоминать. Наш народ говорит: «Правду нельзя закопать», «У правды нет двоюродных братьев и сестер», «У правдивого человека всегда лицо открытое...»

Но на земле много людей и с «закрытыми» лицами. Люди неправдивые всегда больше суетятся, шумят. Они боятся, что их уличат, откроят их истинное лицо, а потому наступают, размахивают руками, угрожают, кричат и по-

учают других. Вот почему очень трудно подчас отличить демагога от недемагога, у первых больше сноровки и опыта принимать любое требующееся обличье. А правдивый человек привык не говорить, а дело делать. Он может быть даже слабым физически, но правда делает его сильным.

— А чем объяснить ваше обращение к драматургии? И почему — «Фамилия»?

— Наверное, нет человека, который не хотел бы оставить память о себе. Но многие хотят этого добиться коротким, легким путем. Поэтому пыжата, идут на все, чтобы фамилия их стала знаменитой, всемогущей. А мы привыкли к чиновничеству руководителей районного, областного и иного масштаба. Мы начали им подчас бронзовые бисты при жизни ставить. Они получали это от народа как бы в долг, от них ждали, что они будут лучше работать. Но многие владельцы прижизненных личных бюстов поняли славу иначе. Да и то сказать — видишь себя отлитым в бронзе, как не «забронзоветь», не вообразить, что ты уже вошел в вечность, возвысился над себе подобными и призван только повелевать ими. Отголоски этого — события, случившиеся в Алматы, так больно ранящие сердце каждого честного человека. Но ведь это и урок. Все народы нашей страны — это единая общность, имя которой — Советский Союз. Если у человека болит даже один маленький палец, то больно всему телу. А если болит голова — весь организм из строя выходит. На примере своей автономной республики могу сказать: у нас долго болела голова. А каково молодежи, которая видит, как сначала кому-то чуть ли не поклоняются, а потом наконец называют истинную цену его амбициям! Она не может не переживать это болезненно. А вина — наша. Обман быстро заражает. С чистой и честной жизнью трудно. Мы же, я имею в виду наши «взрослые поколения», тоже искали спокойной жизни. Мы обманывали себя и других. И если мы сейчас наконец поняли необходимость правды, то надо не призывать к ней, а самим заново учиться ее говорить. Мы многое потеряли оттого, что слишком громко и самоуверенно говорили о своих успехах, подтверждали их подчас не реальными делами, а массой, потоком наград. Ежегодно только в нашей автономной республике сотни людей получали ордена и медали не по итогам того, что реально сделано, а по разнарядке. Столько-то наград должны были получить столько-то мужчин и женщин, столько-то депутатов такой-то профессии и... такого-то года рождения. Прикладывание анкетного стереотипа к действительности порождало несправедливость. В одном хозяйстве честный коммунист от души работает, выполняет две нормы, а по разнарядке следует, что награду получит, скажем, депутат сельсовета. И что же? Получает награду тот, кто хуже работает, но «совпал» по анкетным данным. А народ все это видит и теряет уважение и к наградам, и к руководителям, которые их вручают.

Люди теряют интерес к труду, делу своей жизни. На уборке хлопка работают горожане, студенты, школьники — все, кроме тех, кто его выращивал. А зачем работать, думают иные колхозники. Все равно известно — кто будет награжден, кто будет депутатом.

И еще об одном хочу сказать. Мы сейчас вполне заслуженно привлекаем за обман государства материально ответственных лиц. А как быть с духовно ответственными? В том же коллективе, где сегодня руководитель осужден за взятки и приписки, если судить по отчетам, прочитана масса лекций, регулярно проводились различные собрания и мероприятия, результат которых ничтожен.

У нас на Востоке раньше за грехи ученика отвечал учитель, а мы нередко обвиняем учеников. Кто же спросит со всех тех лекторов, инструкторов, кураторов, по вине которых наши средства идеологического воздействия стреляют вхолостую, оказываются бессильными? Я имею прежде всего в виду эффективность работы нашего уважаемого общества «Знание» на местах, помня, что для этой организации государство воистину не жалеет средств.

— Мы все-таки ушли от вопроса о драматургии.

— Честно говоря, я ведь не считаю себя

драматургом. Я плохо вижу сцену. Я не смотрю спектакли и кинофильмы по телевизору. Может быть, это моя ошибка, но мне кажется, что театр — это тогда театр, когда ты говоришь напрямую со зрителем и видишь, принимает он или нет то, что ты написал.

Театрам я свою пьесу еще не показывал — боюсь. Не дай бог, сочтут меня новым представителем «министерской драматургии», которую так беспощадно и справедливо критиковала «Советская культура». По моему роману «Дочь Каракалпакии» были поставлены спектакли у нас, в Нукусе, и в Ташкенте, сняли и фильм. Но над этим работали другие люди. Всякий раз, когда меня спрашивали, хочу ли я быть соавтором пьесы или сценария, я отказывался. И никогда не предъявлял претензий тем, кто эту работу делал. Ведь это совсем другая профессия. Попробуй-ка сделать из пятидесяти страниц романа пятьдесят страниц пьесы. Во-первых, мне жалко остальные четыре-пятьдесят страниц самому вырезать. Выходит, они лишние, что ли? Пусть этим занимается человек, у которого свое видение материала, который выбирает то, что ему кажется важным и интересным. И пусть тогда это будет его пьеса, а не моя.

— У вас семеро детей. Что вы можете сказать о подрастающем поколении?

— Мы передаем им сложное наследство, и не только доброе, но и свою беспринципность, свое приспособленчество, свое соглядатайство в важнейших событиях жизни и истории. Надо иметь мужество это признать. Конечно, родительская гордость — наше неотъемлемое право, данное жизненным опытом. Но если этот опыт не обогащается новым, не выдерживает проверки сложными ситуациями, за которыми они пристально наблюдают, тогда мы неизбежно теряем авторитет в их глазах. Как восстанавливать утраченные нами позиции? Нам надо быть честными. Не бояться сказать им правду. Только правду. Не бояться выглядеть слабыми. Ребенок — такое существо, что, когда ему правду говоришь, он все может простить. Только так, по-моему, можно найти с ним общий язык. Не надо делать вид, что ты всегда самый сильный и самый умный, и все, что ты делаешь, — правильно. Спроси у него совета. Заметьте, что когда в семье ссорятся, дети всегда на стороне того, кто слабее. Жалеют. Хотят помочь. Нельзя убивать в них это чувство. Они же все видят. И когда ты свою слабость за силу выдаешь. И когда требуешь от них, чего не делаешь сам.

Мой отец был дехканином. Моя мать во время войны стала трактористкой. Да такой, что десятилетия спустя могла на слух определить, какая деталь в тракторе барахлит. Во время ликвидации безграмотности они оба научились писать свои имена латинскими буквами. Как бы сфотографировали их навечно. А покажи им эти буквы вразброс — они так и не принимали буквы как часть своего имени. Но они сознавали это и очень хотели, чтобы я, их сын, знал больше. Как я сейчас понимаю, они были очень современно мыслящими людьми, потому что делились со мной тем, что знали, — опытом моего народа, опытом и убеждениями своей жизни, его преданиями. Своими незыблемыми понятиями о честности и добре. Вот это главное наследство мне оставили два труженика. Я видел их жизнь, разделял ее. Я ни в чем их не могу упрекнуть. Горжусь ими. Мы обвиняем своих детей в том, что они не слушают нас, но мы сами разучились слушать их. Наши семейные дастарханы из счастья общения превращаются в поедание плова, ставшее обыденным средством общения с «нужными» людьми. Дорого обходится этот плов не тем, кто его ест, а тем, которые знают, с кем он съеден. Все это видят наши дети. Конечно, я хочу, чтобы мои дети меня не забыли. Чтобы наша фамилия Каипбергеновы достойно шла по времени. Я надеюсь на то, что мои дети, похоронив меня, никогда не смогут сместь восемь чужих могил, чтобы таким образом обеспечить простор моей надгробной плите, как это сделал один теперь уже бывший секретарь райкома для своего предка.

И разве такая уж «закрытая» истина, что о культуре народа судят по тому, как он относится к своим предкам? И не пригласить ли тех, кто сегодня шумно разговаривает о национальном достоинстве на кладбищах предков своего народа, к тем мавзолеям, которые воздвигнуты на невозможные с точки зрения разумного человека деньги из «недоставаемых» материалов. Мы забыли наш древний обычай: памятник человеку воздвигается только на праведные, им заработанные деньги.

Мы научились обвинять в своих грехах других. Раньше каждому властелину говорили, что именно его век золотой. Льстецы, прислужники говорили, а соглядатаи молчали. Был ли тот век золотым? Кто-то, чтобы сделать свой гек золотым, озолочивается. Такие есть в каждом веке. Но это не золото, а позолота. Ветры истории сдувают ее. Время все ставит на свои места. Сегодня оно спрашивает каждого из нас: готовы ли мы нести его нелегкое бремя и думать не только о себе, но и о том, что мы передаем в третье тысячелетие?

Я верю в людей, которые это понимают, надеюсь на тех, кто это поймет. Это не просто. Но без этого нам грош цена. Не проживем мы без этого. А жить надо. И жить достойно.